

Володин Сергей Филиппович

канд. ист. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Тульский государственный
педагогический университет им. Л.Н. Толстого»

г. Тула, Тульская область

ПРОБЛЕМЫ СЕМЬИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОЛОГИИ Э. ДЮРКГЕЙМА

***Аннотация:** в статье рассматривается опыт анализа семейной проблематики Э. Дюркгеймом в контексте современной интерпретации взглядов одного из основоположников социологии. В центре внимания Э. Дюркгейма находились такие актуальные для современного общества проблемы, как социально-психологическая устойчивость супружеской семьи, особенности ее правового статуса, противоречия гендерного поведения в семейном пространстве, а также воплощение воспитательной функции внутри семейного сообщества.*

***Ключевые слова:** Дюркгейм, пол, семья.*

При рассмотрении взглядов Э. Дюркгейма на проблемы семьи мы, прежде всего, опираемся на серьезный вклад в эту тему американского социолога Мэри Энн Ламанн, выпустившей в свет в 2002 г. свою монографию «Эмиль Дюркгейм о семье» [4]. Ей удалось, в частности, обобщить весьма разрозненный материал, относящийся к этой проблематике, так и не получивший полного и систематического выражения при жизни самого ученого. Это и невероятно обширный комплекс рецензий Дюркгейма на этнографические, статистические и собственно социологические исследования, публиковавшиеся в «Социологическом ежегоднике». Это и изданный одним из слушателей лекционный курс мэтра по семейной тематике, а также не изданные при его жизни работы. И, конечно, это собственно его классические работы. В своем исследовании М.Э. Ламанна опиралась на известные биографические работы, отражающие общественно-политический и социально-культурный контекст времени, а также важные факты личностного роста французского ученого [3; 7]. Главное же то, что ей удалось связать в единое аналитическое целое взгляды Э. Дюркгейма на семью, определить связь

теоретических построений Э. Дюркгейма с позициями разных теоретических школ социологии, а также обозначить круг исследовательских перспектив, для которых творческий вклад французского ученого по-прежнему актуален. В предлагаемой статье ставится цель рассмотреть современную интерпретацию взглядов классика социологии на семейную жизнь.

Сегодня социологи солидарны в том, что Э. Дюркгейм был первым, кто отстаивал принципиально социологический взгляд на семью. Как сформулировала американская исследовательница Мэри Энн Ламанна: «Он настаивал на семье как на социальном институте в то время, когда многие другие придерживались натуралистической или религиозной точки зрения на семью или выдвигали эмпирически неверную эволюционную схему» [4, р. 209]. В целом, Дюркгейм придерживался нормативно-юридической модели семьи, ставя ее в центр своего анализа. Например, отмечал Дюркгейм, в античном Риме ребенок не становился членом семьи, в которой он родился, в силу одного факта своего рождения. Ведь, кроме того, было необходимо, чтобы отец признал его по соответствующей церемонии, и посредством эмансипации он мог бы также положить конец всякому родству, хотя кровное родство существовало при полном знании и взгляде каждого [Ibidem, р. 45]. Поэтому Дюркгейм настаивал на том, что брак является социальным, а не биологически обусловленным институтом.

Прослеживая эволюцию исторических форм семьи, он в некотором смысле подгонял сложные процессы изменчивости семейных форм под свою теоретическую схему. Суть этой схемы близка структурно-функциональной модели. Семья постепенно высвобождается из родственных кланов, она выполняет все меньше дифференцированных функций, которые постепенно берут на себя такие институты, как образование, религия и экономическое производство. Наконец, она обретает характер так называемой «супружеской семьи», поскольку она в первую очередь основывается на личных привязанностях, а не на общей семейной собственности или интересах. Постепенно домашняя солидарность становится глубоко личной. И для Дюркгейма здесь заключалась ключевая проблема его социологии: как работает в семейной среде постулируемый им механизм

«органической солидарности» [2]. В целом Дюркгейм ожидал, что семейные узы будут скреплены новой формой эмоциональной солидарности.

В объяснении же общества, как и собственно семьи, Дюркгейм обращается к «социальной морфологии» как источнику эволюции [2, с. 263]. Именно город, как сосредоточение плотности населения, определяет нарастающие процессы индивидуализации и перенос центра тяжести семьи на супружеские отношения. Теперь, вследствие усиления дифференциации в обществе, семьи становятся малочисленнее, а родственные связи ослабевают. Соответственно экономические, религиозные и политические функции передаются другим институтам, особенно государству. Одновременно повышается функциональная значимость семьи как источника психологической поддержки, так как она является единственным институтом, охватывающим целостного, несегментированного индивида [4, р. 61]. В самой же супружеской семье, прежде всего, меняются структурные аспекты. Возрастает значение института брака, который в современном обществе удостоверяет государство. Наоборот, снижается родительская власть, как и сужается участие родственников в наследовании имущества.

Как отмечает М. Ламанна, семейный интерьер семьи (реляционная сторона) у Э. Дюркгейма обставлен скромно, но он все же существует – в рассуждении о солидарности, домашнем хозяйстве, эмоциональности, гендере, социализации и индивидуальности [Ibidem, р. 113]. Так, Э Дюркгейм обращал внимание на то, что хотя супружеская семья как нуклеарная ячейка включает в себя детей, в течении большего своего времени она представляет собой пустое гнездо. Поэтому в чисто супружеской семье количества связей недостаточно для того, чтобы накопить эмоциональную опору. Да и собственно семейные условия уменьшают вероятность самоубийства в сравнении с холостым образом жизни. Однако, считает Э. Дюркгейм, именно «семейное общество» (родители и дети), а не супружеское общество» мужа и жены, защищает от самоубийства. Причем мужчины получали дополнительную выгоду от брака, так как если женщина выходила замуж, то она в смысле предохранения от самоубийства выигрывала меньше, чем ее супруг» [1, с. 83–85]. В целом же, несмотря на проблемы современной семьи

в отношении ее сплоченности, Э. Дюркгейм называл супружескую семью «наиболее совершенной формой», служащей необходимым убежищем и опорой в конкурентном, безличном обществе. Для него домашний очаг – это место свободы, спонтанности и индивидуальности. То есть – в контексте языка более современного социологического дискурса – это первичная группа (Ч.Х. Кули), место закулисного пространства, где человек может быть самим собой (И. Гоффман) [4, р. 116–117]. С другой стороны, Э Дюркгейм весьма подозрительно относился к чувствам в семейном пространстве. Ведь они могут вызывать не только положительные, но и сильные отрицательные эмоции. Как отмечал ученый: «Если же, в отношении к убийству, женатые люди не находятся в лучшем положении, чем холостяки, то это можно объяснить только тем, что морализирующее влияние, которым они пользуются и которое должно было бы предохранить их от всякого рода преступлений, частично нейтрализуется зловредным влиянием, побуждающим их к убийству и коренящимся, очевидно, в условиях семейной жизни» [1, с. 185].

Как социолог Э. Дюркгейм рассматривает семью сквозь призму социальных связей. Поэтому он отдельно обращает внимание на ролевые особенности семейного разделения труда. Фактически он формулирует теорию взаимодополняющих ролей, которая, возможно, впоследствии вдохновила Т. Парсонса на выделении инструментальных и выразительных функций мужчин и женщин в семье. Причем Э. Дюркгейм считал, что усиливающая социальная дифференциация в современном обществе накладывает свой отпечаток на пол, поэтому муж и жена могут обмениваться ресурсами к взаимной выгоде, тем самым он решительно отстаивал взаимную комплиментарность полов в социально-экономическом отношении. Тем не менее, семейные отношения супругов не свободны от конфликтов. В браке, считал он, у супругов «совершенно различные интересы, одному необходимо стеснение, другой свобода» [1, с. 139]. Брак, по его мнению, регулирует жизнь страсти мужчин, а женщины, не плотно связанные с обществом, в меньшей степени нуждаются в социальной регуляции [1, с. 104, 137].

Заслуживают особого внимания взгляды Э. Дюркгейма на родительство. Сегодняшние ученые считают, что семейное тепло и поддержка способствуют социализации, мотивируя подчинение детей родительским ценностям и нормам и идентификацию с ними. Однако, по мнению Э. Дюркгейма, именно вследствие аффективной теплоты, характерной для семьи, социализирующая функция семьи с точки зрения интересов общества не столь эффективна. Воспитание, считает он, имеет, прежде всего, коллективную функцию, поэтому государство через систему образования должно играть в процессе социализации свою роль. Именно в школе действуют правила, которым должен соответствовать ребенок. Там возникает атмосфера, более близкая к той, с которой он столкнется в более широком обществе. Поэтому Э. Дюркгейм, можно сказать, выступает с позиции баланса между дисциплиной и автономией, в котором сочетаются твердые ожидания и дисциплинарные взыскания с родительской теплотой и избеганием жестоких физических наказаний. И в целом ученый различает индивидуальный и социальный полюса процесса социализации, каждый из которых имеет свою ценность [4, р. 124–127].

Э. Дюркгейм интересовало будущее семьи, и в этом отношении его волновали актуальные вопросы семейной политики, созвучные и нашему сегодняшнему времени. Одним из самых широко обсуждаемых вопросов на рубеже XIX–XX вв. был вопрос разводов. И это не случайно, потому что в дореволюционной Франции он был запрещен, а затем революция сделала его доступным для обоих полов. Впрочем, Кодекс Наполеона уже создавал некоторые препятствия в русле так называемого виновного развода, которые еще более воплотились в законе 1884 г. Со временем, однако, судьи начали толковать закон настолько свободно, что развод стал в основном доступен по просьбе обеих сторон. Вновь зазвучали предложения формализовать «развод по взаимному согласию» [Ibidem, р. 139]. В этот спор вступил и Э. Дюркгейм, представивший свою аргументацию в статье «Развод по взаимному согласию». Согласно его убеждению, такой тип развода должен был обернуться «серьезной социальной болезнью», поскольку подрывал сам институт брака. Об этом свидетельствовала и статистика самоубийств:

женатые люди чаще кончали жизнь самоубийством там, где развод был более доступен. То есть там, где развод является обычным явлением, защитный эффект брака становится меньше [1, с. 133]. Именно поэтому, Э. Дюркгейм в практическом отношении ратовал за то, чтобы брак не расторгался автоматически по заявлению, а проходил необходимые процедуры судебного решения, поскольку судья мог оценить потенциальную функциональность брака [4, р. 141–142]. И понятно в этой связи негативное отношение Э. Дюркгейма к сожителству, хотя он и считал, что необходимо заботиться о внебрачных детях. В этом вопросе Э. Дюркгейм в целом следовал утвердившейся практике и скептически относился к аргументам в пользу разрешения установления отцовства и алиментов на ребенка. В то же время он полагал, что распространение некоторых преимуществ брака на внебрачных детей не говорит об обесценивании брака, а лишь свидетельствует о том, что «несправедливо заставлять детей нести ответственность за ошибку, совершенную их родителями» [Ibidem, р. 146].

Э. Дюркгейм разделял национальную озабоченность по поводу низкой рождаемости, которая наблюдалась во Франции с 1800 года. В соответствии со своей общей теоретической точкой зрения, он утверждал, что долгосрочная тенденция к снижению рождаемости не может быть объяснена экономическими тенденциями. Согласно статистическим данным, снижение рождаемости произошло, прежде всего, за счет уменьшения числа семей с тремя детьми и увеличения семей с двумя или даже одним ребенком. При этом вариации рождаемости не соответствовали моделям экономического развития или демографическим характеристикам региона. Сам же Э. Дюркгейм пришел к выводу, что коренная причина здесь находится в русле культурных или «моральных» факторов, а не в материальном положении. И в этом вопросе, считает М. Ламанна, Э. Дюркгейм выглядел гораздо менее одобряющим индивидуализм, чем в некоторых других своих работах. Например, он ярко рисует картину индивидуалистической самоизоляции в скудных семейных образованиях. В них он видит ослабление домашнего духа и веяние холодного ветра эгоизма, который леденит сердца и отбивает мужество [Ibidem, р. 149]. Вместе с тем, взгляд Э. Дюркгейма на проблему

снижения рождаемости историчен. Он понимает, что отношения между родителями и детьми изменились. Если раньше большое количество рождений являлось своеобразным страхованием от рисков детской смертности, то теперь интерес смещался в сторону качества детей, говоря на языке современной экономики. Поэтому, заключает М. Ламанна, можно говорить о том, что Э. Дюркгейм нормализует малочисленные семьи, одобряя интенсивные практики социализации (и эмоциональных отношений) современного среднего класса (Ibidem).

В основе взглядов Э. Дюркгейма на семейные проблемы, в частности, на положение внебрачных детей, лежало чувство социальной справедливости. В этом вопросе он исходил из меритократических соображений заслуг и равенства возможностей. И его мало смущало неравенство, возникающее из-за различий в талантах, также как проблемы абсолютной бедности. Проблема социальной справедливости была связана у Э. Дюркгейма с наследственным правом. Он считал, что неравенство идет на спад, так как семьи уже не могут передавать наследственные должности и почет. А скоро, предполагал он, и наследство на имущество будет полностью отменено. Конечно, этого не произошло, но Э. Дюркгейм был прав, считая, что более развитые общества уравнивают имущественное неравенство моральной силой милосердия к тем, кто не получил должной меры физической силы, интеллекта или силы воли [Ibidem, p. 151–152].

В заключение отметим, что М.Э. Ламанна, как и Дженнифер Леман [5; 6], критична в отношении взглядов Э.Дюркгейма на роль женщины в семье. Если, с одной стороны, у него институты обоснованы именно социально, то поведение женщин он склонен объяснять как биологически обусловленное. В этой парадигме женщины были менее склонны к отклонениям, в том числе к самоубийству, потому что они асоциальны и не интегрированы. Как отмечает американский социолог: «Необъяснимым образом Дюркгейм бросил биологическую ручную гранату в социологическую теорию, сея теоретический хаос» [4, p. 224] Подход Э. Дюркгейма к равенству женщин, по ее мнению, является примером общей трудности в интеграции разработки политики и теоретической рефлексии. Решая конкретные социальные проблемы, Дюркгейм в целом придерживался

сострадательного подхода социального либерала. Тем не менее, та же Дженифер Леман отмечала в своей статье оптимизм французского классика относительно того, что враждебность мужчин и женщин «не лишена решения»: постепенно социальная разница между мужем и женой станет меньше и брак перестанет обязательно благоприятствует одному в ущерб другому [5, p. 186].

Он был склонен искать жизнеспособные решения эмпирических проблем в контексте социальной реальности, а не утверждать необходимость возвращения к более традиционной форме семьи и восстановления патриархального авторства. Удивительно также обнаружить, что проблемы, которые мы считаем новыми, решались Э. Дюркгеймом, который их улавливал и предлагал пути их возможного решения.

Список литературы

1. Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд / Э. Дюркгейм; пер. с фр. с сокр.; под ред. В. А. Базарова. – М.: Мысль, 1994. – 399 с.
2. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм; пер. с фр. А.Б. Гофмана. – М.: Канон, 1996. – 432 с.
3. Giddens A. Durkheim. L.: Fontana Press, 1978. 125 p.
4. Lamanna M.A. Emile Durkheim on the family (Understanding Families). Sage Publications, Inc. 2001. 288 p.
5. Lehmann J.M. Durkheim's Response to Feminism: Prescriptions for Women // Sociological Theory. 1990. Vol. 8. No. 2. Pp. 163–187.
6. Lehmann J.M. Durkheim's Theories of Deviance and Suicide: A Feminist Reconsideration // American Journal of Sociology. 1995. Vol. 100. No. 4. Pp. 904–930.
7. Lukes S. Emile Durkheim: His Life and Work. N.Y.: Harper and Row, 1985. 676 p.